

АЛЕКСАНДР ДВОРКИН

КТО ПРИДУМАЛ

НЕОязычество?

Александр Леонидович Дворкин

Кто придумал неоязычество

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73477688
Кто придумал неоязычество?: Издательство ООО «Вольный
Странник»; Москва; 2022
ISBN 978-5-00178-268-1*

Аннотация

Новая книга известного историка и сектоведа Александра Дворкина посвящена важной и актуальной проблеме современности – различным родноверческим (нativистским) учениям и сектам, распространившимся в России. В первой части автор подробно рассказывает о древних славянах, их верованиях, их соседях, о событиях, приведших к крещению Руси, и о начале русского православного государства. Во второй части повествуется о международном неоязыческом оккультном движении New Age и о нativизме, зародившемся в рамках этого движения. Автор отслеживает пути, которыми неоязычество пришло в Россию, разбирает основные документы, которыми пользуются нativисты, и рассказывает о главных деятелях российского родноверчества.

Содержание

Как изучают историю	7
Часть первая. Выбор предков	12
Неоязычество как родноверие	13
Вокняжение Владимира	15
Викинги	22
Византийская империя и ее столица	27
Царьград	
Князь Игорь	38
Крещение Ольги	43
Святослав	52
Язычник Владимир и его предшественники	60
Славяне-язычники	68
Обращение князя Владимира	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

**Дворкин Александр
Леонидович
Кто придумал
неоязычество?**

© Дворкин А. Л., 2022

© Оформление. ООО «Вольный Странник», 2022

Как изучают историю

История, наверное, самая пререкаемая область человеческого знания. О ней спорят не только профессиональные историки, но и все, кто когда-либо слышал о существовании этой науки и кому интересно, что происходило в стране и в мире до того, как он сам появился на свет. Люди выдвигают свои версии прошлого, с увлечением рассказывают, «как оно было на самом деле». Об истории имеют свое мнение (и часто весьма категоричное) люди самых разных профессий – математики и сантехники, авиаинженеры и экономисты, химики и военные, компьютерщики и врачи, боксеры и агрономы, актеры и автомеханики. Многим из них почему-то не приходит в голову, что в каждом деле прежде всего следует доверять профессионалам, получившим специальное образование в данной области знаний. Ведь никто не пойдет к ученому-историку делать медицинскую операцию, не попросит его сконструировать самолет или отстаивать честь страны на боксерском ринге. Он – специалист в своей области и может высказать авторитетное мнение только в ней. Даже самый знаменитый академик-историк, каким бы знающим он ни был в своей профессии, в остальных областях человеческого знания станет в лучшем случае обычным любителем, если не вообще малокомпетентным человеком. Бывают, конечно, люди, которые профессионально освоили несколько

областей знаний, но, во-первых, они встречаются довольно редко, а во-вторых, все равно за пределами того, что они изучали много лет, они остаются несведущими. И это нормально: невозможно быть специалистом во всем. У каждого человека есть пределы его компетентности, вне которых он не может являться авторитетом. То же самое относится к представителям любой другой профессии – они могут любить историю, интересоваться ей, но для того, чтобы пытаться реконструировать реальную картину прошлого того или иного народа, необходимо обладать специальными знаниями и владеть научной методологией – то, чем ученые-историки занимаются всю свою жизнь.

Так вот, главное в исторической методологии заключается в том, что мы знаем о событиях прошлого от свидетелей. Это могут быть люди-свидетели, оставившие после себя писания о делах, очевидцами которых они были или о которых слышали от своих современников либо тех, кто жил незадолго перед ними. Это могут быть монументальные свидетельства – памятники архитектуры и искусства; археологические свидетельства – например, захоронения или предметы быта, раскопанные много веков спустя, и т. д. Про периоды, о которых никаких свидетельств до нас не дошло, мы ничего не можем сказать. Или почти ничего. Если имеется лакуна в исторической последовательности лет или веков, мы, конечно, можем предполагать, какими событиями она могла быть заполнена. Но эти предположения должны находиться

в согласии с тем, что происходило до или после нее, а также не противоречить всем данным, имеющимся у нас по этому периоду (историческим, географическим, лингвистическим, метеорологическим, геологическим и т. д.).

Например, вряд ли стоит мне верить, если, не ссылаясь на достоверные источники (то есть те, которые я могу предъявить и доказать их подлинность), я напишу биографию доселе неизвестного человека, жившего 1000 лет назад, или предложу совершенно новую, радикально отличающуюся от общепринятой, биографию известного. Любой мало-мальски думающий читатель может спросить меня, на чем я основываю свои данные, и при отсутствии внятных объяснений с моей стороны будет вправе относиться ко мне как к фантазеру и выдумщику. Немного больше шансов я могу иметь, если, ссылаясь на семейное предание, переданное мне от деда и прадеда, напишу биографию некоего персонажа, жившего 200 лет назад: «Дедушка рассказывал, что от своего деда он слышал о необычном человеке, которого он знал в своей ранней юности...» Но если в этом повествовании мой герой, скажем, будет, уезжая из своего села, посылать сообщения жене по ватсаппу (или даже писать ей письма на пишущей машинке), читатель вправе усомниться в достоверности моего рассказа. Более того, если я сообщу, что этот человек, проживая в уральской деревне, в детстве каждое утро бегал купаться на Днепр или общался со своими односельчанами на санскрите, любой даже на самом любительском уровне

знакомый с географией и филологией читатель сразу же обвинит меня в подлоге и фальсификации.

Те же критерии применимы к каждому письменному памятнику. Скажем, если некто обнаружит в далеком архиве никому не известную древнюю рукопись, найдет в глубокой пещере пергамент или откопает новые металлические (деревянные, глиняные и т. д.) таблицы с письменами, они должны будут пройти проверку на подлинность. Увы, история знает слишком много подлогов и фальшивок, сфабрикованных разными людьми: от шарлатанов до шутников-мистификаторов. Новонайденные материалы сопоставляются с современными им памятниками культуры. Выясняют, соответствуют ли они мировоззрению людей той эпохи, нет ли в них анахронизмов, согласуются ли они с сообщениями современников. Их подвергают лингвистической экспертизе, палеографическому анализу, а если материал, на котором они написаны, претендует на оригинальность (а не является более поздним списком с оригинала), то и радиоуглеродному анализу. Проверяют и прочими способами. Требуется неопровержимо доказать археологический или архивный провенанс находки. Только если предъявляемые документы соответствуют всем перечисленным требованиям, их признают подлинными, вводят в научный оборот, и сведения, изложенные в них, учитываются в дополнении картины прошлого.

Все это значит, что те общепринятые исторические данные, которыми мы сегодня располагаем, могут выдержать

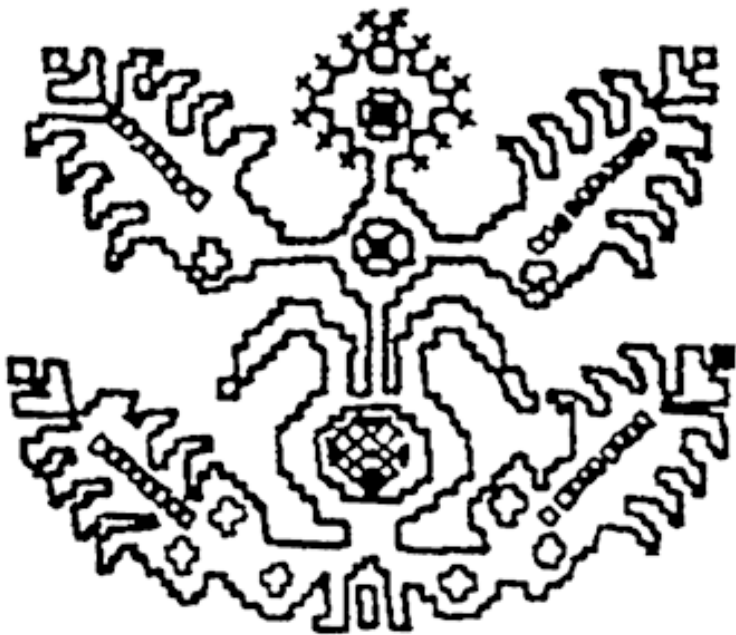
проверку по целому ряду параметров: они основаны на свидетельствах современников или ближайших потомков, они соответствуют археологическим находкам тех эпох, а также нашим знаниям по географии, лингвистике, демографии, исторической экономике, генетике и т. д. Разумеется, и тогда остается много вопросов, да и каждое событие можно интерпретировать и оценивать по-разному. Но любая интерпретация и оценка может быть сколько-нибудь достоверной и убедительной, только если она опирается на твердое основание подлинных свидетельств. Тогда мы можем к ней относиться серьезно и воспринимать ее как рабочую гипотезу.

Таковы аксиомы научной методологии профессионального историка, и мы будем опираться на них в том разговоре, который нам предстоит: можно ли считать попытки возродить древнее славянское язычество в современной России историчными и достоверными.

Часть первая. Выбор предков

Неоязычество как родноверие

В последнее время в России все более заметным стало явление, называемое неоязычеством или родноверием. Широко распространяются идеи о необходимости возвращения русских к традиционной вере русского народа – то есть к древнему славянскому язычеству. Ведь оно, дескать, в наших широтах было изначальным, наши предки его придержи-

живались, а христианство – чужеродная (греческая либо еврейская) и вовсе не соответствующая русскому духу вера. Завезена она была извне, навязана нашим предкам обманом и грубой силой.

Эти нехитрые рассуждения делаются отправной точкой для возникновения различных неоязыческих сект, а пропагандируемая ими неоязыческая идеология распространяется еще шире. Люди слушают рассказы о «кровавом крещении» Руси, о великой древней языческой славянской цивилизации, о необъятном могучем государстве с непобедимыми воинами, завоевавшими полмира и основавшими все главные города Европы, Азии и даже Африки. И все это якобы было уничтожено христианством, скрывающим подлинную историю от одураченного им человечества. Именно эту подлинную историю заново открывают современные поклонники язычества, разоблачая «фальсификации христианских лжеисториков».

К сожалению, многие наши современники некритично воспринимают подобные утверждения и начинают верить им, не требуя доказательств. Для того чтобы разобраться и суметь корректно оценить эти заявки современных неоязычников, думается, нужно начать с глубокой древности и вновь освежить в памяти факты самого начала нашей истории. Итак, как же Древняя Русь приняла христианство?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы поговорим об обитателях северо-востока Европы, об их этническом составе, об

их жизни, нравах и обычаях. Конечно, мы обсудим и их религиозные представления – то немногое, что мы о них знаем из достоверно древних источников. Мы поговорим о соседях древних русов, о договорах с ними, об их войнах, постараемся понять психологические мотивы обращения в христианство князя Владимира и внимательно посмотрим, как древние источники отражают принятие христианства всей землей. Оценив все свидетельства, мы сможем делать выводы, насколько и в чем им можно доверять. Итак, дорогой читатель, в путь!

Вокняжение Владимира

К середине 80-х годов X века великий князь Киевский Владимир осознал, что стоит на перепутье. Его планы по объединению восточнославянских и финно-угорских племен в единую общность и строительству мощного государства, признанного соседями, никак не воплощались в жизнь. Попытка создания единого языческого культа в качестве государственной религии его молодой державы не сработала. Языческие боги либо не хотели, либо не могли ему помочь. Разброд и шатания усиливались. Нужно было что-то делать. И коль скоро привычные боги выказывали столь очевидную слабость, языческое сознание князя требовало найти того Бога, который Своей силой и мощью докажет Свою истинность.

Владимир был младшим сыном киевского князя Святослава от ключницы его матери княгини Ольги. О происхождении ключницы Малуши ведутся споры: возможно, она была славянкой, возможно, дочерью купца из немецкого города Любека. После гибели отца (972) Владимир воссел на престоле в Новгороде, где веком ранее правил его предок – скандинавский воитель (варяг) Рюрик.

Теоретически Новгород подчинялся Киеву, в котором княжил старший брат Владимира Ярополк. Он начал правление еще во время долгого отсутствия своего отца Святослава (чей военный поход на Балканы оказался затяжным). Однако подчинение свободолюбивого Новгорода Киеву было весьма условным, и новгородцы в большинстве случаев поступали по-своему.

Великий Новгород, X в.

Новгород и Киев стали самыми значимыми восточнославянскими городами как первый и последний перевалочные пункты на пути «из варяг в греки», главной торговой артерии того времени. Вокруг нее и начало формироваться молодое княжество. Из-за арабского господства на Средиземном море в IX веке наиболее безопасным стало именно это направление: из Скандинавии к Черному морю, а оттуда – к самому главному городу христианского мира – Константинополю, великолепной столице древней Римской империи (сегодня мы знаем ее как Византийскую).

Торговый путь проходил от Балтийского моря по реке Неве, Ладожскому озеру, реке Волхов, озеру Ильмень, реке

Ловать, затем волоком до реки Тора, которая впадала в Западную Двину, далее вниз по Двине до Кастли, затем волоком до Днепра и по нему уже к Черному морю. Из Скандинавии вывозили железо-сырец, амбру, моржовую кость, изделия из китовой кожи (корабельные канаты и др.), оружие, художественные изделия, а также предметы, награбленные викингами в Западной Европе (французские и итальянские вина, ювелирные изделия и драгоценности, шелковые и батистовые ткани, серебряную утварь); из Прибалтики – янтарь; из Северной Руси (Новгорода) – «мягкое золото» (меха соболей, куниц, выдр, бобров и др.), льняные ткани, лес, мед, воск, кованую и керамическую утварь, оружие, кожи, смолу, пеньку; из Южной Руси (Киева) – хлеб, различные ремесленные и художественные изделия, серебро в монетах и т. д.; с Волыни – шиферные пряслица¹ и др. Другим важным товаром были рабы: дети и молодые люди, похищенные или плененные викингами на землях покоренных славянских племен для продажи на рынках Константинополя. В обмен на все это из Византии на север везли сладкие южные вина, пряности, ювелирные и стеклянные изделия, китайский фарфор, африканскую слоновую кость, аравийский ладан, дорогие ткани, иконы, книги и другие предметы рос-

¹ Пряслице (или прясло, пряслень) – грузик в форме диска или невысокого цилиндра со сквозным отверстием по продольной оси, применявшийся для утяжеления ручного веретена и крепления пряжи на нем. С середины X века широкое распространение в средневековой Руси получили овручские шиферные пряслица, производившиеся из пиррофиллитового сланца.

коши. Стратегически расположенный Киев был самым крупным городом на этом пути и получал огромную выгоду от торговли.

Путь «из варяг в греки» на карте Древней Руси

В 977 году между Ярополком и его средним братом Олегом разгорелась междоусобная война, в ходе которой киевский князь разгромил отряды Олега и убил его самого. Еще совсем юный Владимир, выступавший на стороне среднего брата, «убояся, бежа за море» – в «варяжские», то есть скан-

динавские земли, откуда происходили его предки. Набрав там войско, он вернулся в Новгород, выгнав посадника², поставленного туда Ярополком. Это означало открытую войну.

Владимир действовал стремительно: для начала он захватил перешедший на сторону Киева Полоцк. С побежденными он расправился крайне жестоко: вся семья правителя города, князя Рогволода, была умерщвлена, причем по совету своего дяди Добрыни Владимир сначала изнасиловал княжну Рогнеду на глазах ее родителей, а затем убил ее отца и двух братьев. Униженную Рогнеду, просватанную прежде за Ярополка, он взял в жены насильно. Эта показательная жестокость была вызвана отказом Рогнеды на сватовство Владимира: княжна заявила, что никогда не пойдет замуж за сына наложницы. Ее слова «не хочу розути робичича» («не хочу разувать раба»)³ смертельно оскорбили Владимира и Добрыню, так как намекали на статус матери Владимира (родной сестры Добрыни).

От Полоцка Владимир с большим варяжским войском и новгородской дружиной направился к Киеву, где заперся Ярополк. По летописной версии, воевода Ярополка Блуд, подкупленный Владимиром, запугав своего господина мятежом киевлян, заставил его бежать в маленький городок Родень. В Родне Владимир заманил Ярополка на переговоры

² Посадник – наместник князя, глава местной администрации.

³ Согласно славянскому обычаю, супруга должна была снимать обувь со своего зашедшего в дом мужа.

и приказал двум варягам поднять «его мечами под пазухи». Беременную жену Ярополка, бывшую греческую монахиню, присланную ему Святославом в качестве трофея, Владимир взял себе в наложницы.

Сваты Владимира Святославича у Рогволода (слева); Рогволод беседует с Рогнедой (справа). Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV в.

Победоносное варяжское войско потребовало себе за службу дань с киевлян. Поначалу Владимир обещал расплатиться с ними, но через месяц, укрепившись во власти, отказался, а варягов искусно разделил между собой: часть отослал на службу в Константинополь с советом византийскому императору развести тех по разным местам, а наиболее пре-

данных из них оставил себе для управления вошедшими в его княжество городами.

По летописным данным, Владимир вокняжился в Киеве в 980 году. Согласно самому раннему «Житию Владимира» монаха Иакова («Память и похвала князю Владимиру», вторая половина XI века), это случилось 11 июня 978 года, что мы и будем считать наиболее вероятной датой.

Викинги

Кто же были эти варяги, откуда они появились и как захватили власть над разрозненными и разобщенными славянскими и финно-угорскими племенами, которые тогда населяли Восточно-Европейскую равнину?

В VIII–IX веках Европу захлестнуло нашествие воинских отрядов из Скандинавии, которых обычно называли викингами. В основной массе это были жившие на территории современных Швеции, Дании и Норвегии воины из племен, переживавших стадию разложения родо-племенного строя. Их толкали за пределы родных стран перенаселение и голод, так что скоро грабеж стал важным фактором их выживания. В подавляющем большинстве своем викинги были язычниками. Они совершали морские походы из родных пределов на пространствах от Северной Америки до берегов Белого моря и Северной Африки. Но чаще всего целью их грабительских набегов становились европейские берега по всему их пери-

метру – от Северного моря до Средиземного. Викинги перемещались на сравнительно небольших подвижных ладьях, которые могли заходить в реки и проникали вглубь континента на десятки километров от моря. Непревзойденные воины и опытные мореходы, они внушали ужас европейцам, которые не понимали, откуда на них свалилась эта напасть и как можно ей противостоять. Ходили слухи, что сама многочисленность этих неукротимых северных воинов вызвана зимней тьмой, в которой эти варвары пребывают большую часть года, и, соответственно, им не остается ничего другого, как только энергично плодиться, а затем выплескиваться на куда более благополучные европейские земли. С ростом феодальной раздробленности оборона от викингов становилась все более затруднительной, и их шайки в своих набегах доходили до таких удаленных от моря городов, как, например, Париж.

Шведские, норвежские и датские викинги, которые двигались на запад, известны по латинским источникам под именем норманнов (лат. Normanni), то есть «северных людей». Начиная с IX века викинги начали захватывать себе территории на европейских берегах и обосновываться там, постепенно переходя к оседлому образу жизни.

Викинги двигались не только на юг, завоевательные экспедиции совершались ими на восток и даже на запад. Например, норвежские викинги начали колонизацию Исландии при правителе Норвегии Харальде Прекрасноволосом (око-

ло 900 г.). Двигаясь на закат, викинги заселили Оркнейские, Шетландские, Гебридские, Фарерские острова, а также остров Мэн. Во главе исландских первопоселенцев стоял Ингольф Арнарсон. Исландец Эрик Рыжий в 980-е годы закрепился в Гренландии, а его сын Лейф Эрикссон около 1000 года основал первое поселение на территории сегодняшней Канады.

Набег варягов

Датские викинги высаживались и на британских берегах, и даже в конце концов захватили власть в английском королевстве. Их норвежские родичи также отправляли завоевательные отряды к Туманному Альбиону, правда, с меньшим успехом.

К первой половине XI века разбойничьи набеги викингов по большей части прекратились. Связано это с сокращением населения скандинавских земель и распространением на севере Европы христианства, естественно, осуждавшего грабежи. Мало-помалу традиционный полукочевой образ жизни викингов уступал место оседлому. Ингвар Путешественник, погибший во время экспедиции на берегах Каспия (1036–1042), стал одним из последних викингов, предпринявших дальний заморский поход в духе предков.

В 911 году король Франции Карл Простоватый наконец решился отдать скандинавскому вождю Роллону северо-восток своего королевства, который получил название Нормандия. Эта тактика оказалась эффективной. Набеги остановились, а дружина северян вскоре растворилась в местном населении. К этому времени норманны уже стали христианами, хотя надолго сохранили свой непоседливый воинственный характер.

От Роллона по прямой линии происходил Вильгельм Завоеватель, возглавивший нормандское вторжение в Англию в 1066 году и победивший при Гастингсе англо-датского короля Харальда Годвинсона. Примерно тремя десятилетиями

ранее норманн Вильгельм из мелкопоместного рода Отвилей со своими братьями прибыл в Апулию по приглашению местных лангобардских правителей, но вскоре восстал против своих нанимателей и начал покорение юга Италии, где его клан основал свои княжества. Следующее поколение Отвилей положило начало Сицилийскому королевству, отвоеванному ими у арабов-мусульман.

Утвердившись у власти, норманнские правители прочно вошли в правящую элиту Европы и породнились со многими царствующими домами. Мы видим, что, основывая свои государства, они быстро смешивались с местным населением и воспринимали его язык и обычаи. Во Франции они становились французами, в Италии – итальянцами, а в славянских землях – славянами. Это видно, например, по тому, что третье-четвертое поколение скандинавов в славянских княжествах уже носило славянские имена: если Ольга и Игорь – славянизированные Хельга и Ингвар, то их сына уже зовут Святослав, а его сыновей – Ярополк и Владимир. Столь же быстро во всех местах перехода к оседлой жизни викинги отказывались от своего примитивного язычества и принимали христианство.

Викинги из Скандинавии и после XI века продолжали наниматься на службу к византийским императорам и русским князьям. К последним викингам (в изначальном смысле этого слова) на норвежском престоле историки относят Олафа Харальдсона и Харальда Хардраду (Сурового), который

до своего воцарения служил и Ярославу Мудрому (на дочери которого он женился), и византийским императорам, а в конце концов сложил голову при попытке завоевать Англию (1066).

Точный этнический состав первого поколения викингов в Восточной Европе (в балтийских землях и на Руси) неизвестен, но большинство современных историков предполагает, что это могли быть шведы. Как мы уже знаем, в летописях Киевской Руси они носили собирательное имя варяги. Однако Лаврентьевская летопись говорит о различиях между ними: «Те варяги назывались русью, как другие называются свеи, а иные норманны и англý, а еще иные готландцы, – вот так и эти». Сами скандинавы отмечали обилие укрепленных поселений на Руси, окрестив ее «страной городов» – Гардарикой.

Новгородцы и иногда киевские князья часто нанимали отряды викингов в качестве профессиональных дружинников, предоставляя им обособленные поселения. Такая практика продолжалась вплоть до монгольского нашествия на Киевскую Русь (XIII в.).

Византийская империя и ее столица Царьград

Согласно «Повести временных лет» (древнерусскому летописному своду XII века, первоначальное авторство кото-

рого приписывается монаху Киево-Печерской лавры Нестору), в 862 году – по приглашению ильменских словен и кривичей, а также таких племен, как чудь и весь, – некий варяжский вождь Рюрик с братьями Синеусом и Трувором были призваны княжить в трех городах с окрестностями. Синеус начал править в Белоозере, Трувор – в Изборске, а Рюрик, по одним данным, – в Ладоге, по другим – в Новгороде. Это событие, с которого традиционно отсчитывается начало русской государственности, в историографии получило условное название «призвание варягов».

Летописец назвал причиной приглашения междоусобицу, охватившую жившие на новгородских землях славянские и финно-угорские племена. Поскольку ни одна из враждующих сторон не желала уступить, решено было пригласить правителей со стороны, которые были бы равноудалены от всех фракций и, таким образом, могли гарантировать беспристрастность. Понятно, что эта летописная картина несколько приукрашена, и можно подозревать, что Рюрик с братьями, как и наемники Отвили полутора веками после него на юге Италии, воспользовались усобицей, чтобы захватить власть над разрозненными племенами. Новые правители пришли со всем своим родом, называемым Русь, этническая принадлежность которого продолжает оставаться предметом дискуссий.

В. Васнецов. Призвание варягов, 1909 г.

Летопись сообщает, как после смерти младших братьев власть сосредоточилась в руках Рюрика:

...И пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене. Через два года умер Синеус и брат его Трувор. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – словене

не, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик.

После смерти Рюрика его родич Олег, став регентом сына князя – малолетнего Игоря, пошел походом на Киев. Город он захватил, вероломно убив правивших там князей Аскольда и Дира (соратников Рюрика), завоевавших Киев двумя десятилетиями ранее. Существует мнение, что к этому времени оба этих князя приняли крещение в Константинополе во время правления великого патриарха Фотия⁴, и христианство постепенно начало утверждаться на крутых берегах Днепра. Год их крещения – 866-й после Рождества Христова – может считаться, согласно патриарху Фотию, годом начала Русской Церкви, возглавленной самым первым епископом.

Олег, начавший свое правление в Киеве в 882 году, проявил себя активным врагом проникавшего на Русь греческого христианства. Летописи не упоминают о греческом епископе, его дальнейшая судьба нам неизвестна, – а первые христиане уходят в подполье. Вместо того чтобы продолжить и развивать приносящие громадную выгоду торговые отношения, киевский князь вновь начинает войну против Византийской империи и вполне в духе своих норманнских родственников предпринимает два грабительских набега на Константинополь. Поскольку столица империи лежа-

⁴ В 867 г. Фотий с торжеством и радостью объявил миру, что русы, еще недавно осаждавшие Константинополь, приняли крещение и получили своего епископа.

ла на море, то любой неприятель, владеющий флотом, имел шанс подобраться к ее стенам, даже не одерживая предварительно военных триумфов на суше. Однако штурмовать могучие стены самой неприступной крепости в мире было не под силу не только отрядам Олега, но и гораздо более многочисленным и снаряженным для осадной войны противникам. Византия в то время медленно, но верно начинала выходить из затяжного кризиса, крепнуть и постепенно отвоевывать свои утраченные ранее территории на востоке и на севере.

Олег показывает маленького Игоря Аскольду и Диру. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV в.

Константинополь (Царьград славян) в десятки, если не в

сотни раз превосходил размерами и населением крупнейшие города тогдашнего мира. Город, имевший форму неправильного треугольника, с двух сторон окружала вода – Мраморное море и внутренняя гавань Золотой Рог, и лишь третья его грань проходила по суше. Со стороны водного пространства город защищала одинарная линия стен, а со стороны суши – тройная стена в 6,5 километра длиной⁵. Перед первым рядом, высотой чуть больше 2 метров, находился глубокий и широкий ров с водой (он имел 20 метров ширины, а глубина местами доходила до 10 метров). Второй ряд, имевший 2–3 метра в ширину и 10 метров в высоту, усиливали 15-метровые башни. Третий ряд, наиболее массивный, высотой около 15 метров, достигал в толщину 6–7 метров и был защищен 96 башнями высотой от 20 до 40 метров. Башни внешней стены располагались на пространстве между башнями внутренней стены. Все они были оборудованы устройствами для метания камней и поливания противника горячей смолой или маслом. Вдоль внутренней стороны стены располагались караульные помещения для стражи и небольшие хранилища провианта и боеприпасов. Основания стен, построенных еще императором Феодосием II (401–450), уходили под землю на 10–20 метров, что практически исключало возможность подкопа. Через ров не пролегали стационарные ка-

⁵ Для сравнения: протяженность стен Московского Кремля – 2235 м, толщина – 3,5–5,5 м, высота стены от земли до зубцов – от 5 до 19 м. Стену укрепляют 20 башен.

менные мосты, лишь легкие деревянные, которые убирались на ночь, а при осаде быстро уничтожались защитниками города. Между полосами укреплений были оставлены открытые, полностью простреливаемые площадки. Лишь в северо-западном углу, близ соприкосновения с Золотым Рогом – там, где стоял Влахернский императорский дворец, выдававшаяся полукругом вперед стена вновь делалась одинарной, но более высокой (около 17 метров) и более мощной. Вход в Золотой Рог преграждала массивная цепь, а подобраться к стенам со стороны Босфора и Мраморного моря было почти невозможно из-за сильного течения.

Оставаясь снаружи, отряды Олега не могли увидеть и оценить все великолепие города: мрамор, широкие улицы, портики, мозаики, иконы в окладах из золота и драгоценных камней, хранилища сокровищ, античные статуи, привезенные сюда со всего тогдашнего цивилизованного мира, святые мощи и богатейшие библиотеки с бесценными коллекциями, а также лавки и склады с товарами со всего света. Не могли они разглядеть и другую часть жизни имперской столицы: темный мир нищих трущоб – обиталища городских низов, – спускавшихся с холмов к Золотому Рогу.

Но в любом случае варяги быстро поняли, что на успех им надеяться не придется. В бессильной злобе отряды Олега разграбили окрестности столицы. Жителей расстреливали из луков, рубили, бросали в море, их имущество и скот уничтожались. Империя, основные воинские силы которой бы-

ли задействованы на далеких рубежах (где они противостояли арабам и болгарам), не желая отзываться их и таким образом ослаблять границы, прибегла к испытанному способу – варварам заплатили отступные.

Такой метод решения конфликта современному человеку может показаться косвенным признанием своего поражения. Однако для жителей христианской Византии все выглядело иначе. Они хорошо помнили заповедь «не убий» и старались ее соблюдать. Да, им весьма часто приходилось вести войны, и они умели делать это в высшей степени профессионально. Конечно, они не относились к своим воинам как к убийцам. Воинское ремесло, впрочем, не было окружено в их глазах и ореолом славы (как на Западе, где в то время начинал складываться рыцарский кодекс), а смерть в бою с неверными мученической не считалась, ибо мученик шел на смерть, вооруженный лишь собственной верой. Война с неверными рассматривалась как печальная необходимость, сражаться же против христиан воспринималось делом вдвойне греховным. Примечательно, что за всю свою тысячелетнюю историю Византия не вела ни одной экспансионистской (захватнической) войны, но лишь войны оборонительные или связанные с отвоеванием ранее утраченных империей земель.

ской мощи лишь там, где прочие меры оказывались бессильны. Любая война являлась для них, по сути, признанием греховной неспособности решить дело бескровно, поэтому они предпочитали откупаться от недругов денежными выплатами. Легко мирясь с тем, что враги (особенно вожди диких кочевых племен) считали такие субсидии данью побежденных, императоры видели в них, так сказать, разумное капиталовложение. Это и в самом деле был дешевый и надежный путь обеспечить мир и благоденствие подданных без пролития крови, ибо любая война обходится дороже во всех отношениях.

Олег получил выкуп по 12 гривен за человека. Всего у него было, возможно, до 10 тысяч человек, размещавшихся на небольших ладьях по 40 воинов в каждой. Очевидно, часть выкупа варяги получили деньгами, а часть – товарами. Договор был подписан в 907 году. И, что характерно, он был составлен на двух языках: греческом и славянском⁶. Письменность славянского языка, как мы знаем, была разработана в 861–862 годах великими византийскими миссионерами – равноапостольными братьями Кириллом и Мефоди-

⁶ И. И. Срезневский и некоторые другие ученые полагали, что этот и другие договоры с греками были написаны на греческом языке, а затем переведены на древнеболгарский язык. Однако, мы придерживаемся позиции, что договоры изначально были составлены на двух языках. «Простота и ясность синтаксической структуры языка договора 907 г., так же как и приведенные словарные и грамматические элементы, ясно указывают на запись изусного договора, а не на перевод греческого текста» (Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). СПб., 2005. С. 31.)

ем. Именно этот язык уже стал официальным языком молодого киевского княжества. И это важный знак того, что варяги ославянивались, язычники христианизовались, варвары приобщались к высокой цивилизации.

Олег еще не понимал, что его попытки сохранить язычество столь же безнадежны, сколь нелепа была «демонстрация силы» при отступлении от стен не взятого им города. «Повесть временных лет» сообщает, что князь прибил свой щит к воротам Царьграда. Неизвестно, что Олег хотел доказать таким странным деянием, но означало оно лишь одно – вовнутрь войти он так и не смог. Вероятно, что и щит его (если он действительно был повешен на воротах) был сброшен, как только отряды варягов и славян покинули окрестности города. Напомним также, что обычно щиты (со всей их родовой символикой), прибитые к стенам, считаются трофеями, доставшимися победителю от капитулировавшего противника.

При подписании нового договора в 911 году император Лев Мудрый впервые позволил делегации варваров зайти в город и продемонстрировал им часть его богатств и святынь. Византийские экскурсоводы провели их по великолепным столичным церквям, как пишет летописец, «научая их своей вере и показывая истинную веру». Документ, ратифицированный в том же 911 году, обозначил начало регулярных коммерческих и дипломатических отношений между Византией и Русью. Помимо всего прочего, он предусматривал

участие русских отрядов в византийских военных операциях. В этом же году русы в составе византийского флота участвуют в экспедиции империи против мусульман, что было отмечено в нескольких византийских хрониках.

Таким образом, мы видим, что ко времени Олега русско-славянская письменность уже привилась в Киевской Руси. Это значит, у нее тогда уже существовали устойчивые связи с христианской Болгарией, где нашли прибежище ученики Кирилла и Мефодия, бежавшие после разгрома немецким духовенством их миссии в Моравии и Паннонии. Именно Болгария стала центром переводов христианской литературы с греческого на славянский и кузницей кадров для христианского славянского духовенства. Эта связь с родственной Болгарией, уже принявшей восточное христианство на государственном уровне, гарантировала, что новая религия вместе с культурой и письменностью постепенно проникала и широко распространялась в самой толще народной массы наших предков в Киевской Руси.

Князь Игорь

Неизменный рост христианства делается еще более заметным в княжение преемника Олега – подросткового Игоря. Он также предпринял несколько походов на Константинополь, которые закончились заключением договора в 944 году. Византийский автор так рассказывает о набеге Игоря: «11 июня

четырнадцатого индикта [941 года] на десяти тысячах судов приплыли к Константинополю росы...» Лиутпранд Кременский, посол короля Италии Беренгара II в Византию в 949 году, замечает о более чем тысяче кораблей у «короля русов Ингере». Понятно, что десять тысяч или даже тысяча – огромное число, которое не стоит понимать буквально. Наверное, у русов имелось несколько сотен судов, вид которых в море, несомненно, производил впечатление весьма многочисленного воинства. В морском бою огромный русский флот был частично уничтожен греческим огнем. После набегов на византийские земли и ряда поражений Игорь в сентябре 941 года вернулся домой. Русский летописец передает слова уцелевших воинов: «Будто молнию небесную имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Однако набег был весьма серьезным, и византийцы вполне оценили его опасность, равно как и важность одержанной ими победы. О впечатлении, произведенном этим набегом на жителей империи, свидетельствует следующий факт: имя Игоря стало единственным из русских имен, попавшим в византийский энциклопедический словарь X века, известный как Суда.

В 942 году жена Игоря княгиня Ольга родила Святослава, ставшего через три года князем под опекой матери.

Согласно «Повести временных лет», в 944 году (историки считают более вероятным 943 г.) Игорь собрал новое войско из варягов, руси (соплеменники князя), славян (поля-

не, ильменские словене, кривичи и тиверцы) и печенегов и вновь двинулся на Византию: конницей по суше, а большую часть войска он отправил по морю. Предупрежденный заранее византийский император Роман I Лакапин выслал послов с богатыми дарами навстречу Игорю, уже достигшему Дуная. Одновременно Роман выслал дары печенегам. После совета с дружиной Игорь, удовлетворенный данью, повернул назад. Византийский хронист, известный как «продолжатель Феофана», сообщает о подобном событии в апреле 943 года, только противниками византийцев, заключившими мир и повернувшими назад без сражения, были названы «турки». «Турками» византийцы обычно именовали венгров, но иногда широко применяли название ко всем кочевым народам с севера, то есть могли подразумевать и печенегов. Месяц апрель император Константин Багрянородный (зять Романа Лакапина) упоминал в связи с началом навигации русов.

Поход Игоря. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV в.

В следующем, 944 году Игорь заключил собственный военно-торговый договор с Византией. В договоре упоминаются имена племянников Игоря, его жены княгини Ольги и сына Святослава. Сам текст договора написан так, что главной договаривающейся стороной выступают христиане – носители грамотности и государственности, а язычники упоминаются на втором месте с некоторым пренебрежением, как простаки и невежды.

Если же кто из русской стороны замыслит разрушить такую любовь, то пусть те из них, которые приняли святое крещение, да подвергнутся возмездию от Бога Вседержителя и будут осуждены на погибель и в этом веке, и в будущем.

А те, кто не крещены, пусть не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна.

И в конце договора:

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, в предлежании честного Креста и хартии этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто из нашей страны... крещеный или некрещеный, – да не получит он помощи от Бога, да будет он рабом в загробной жизни своей, да будет он заклан собственным оружием... Да будет проклят от Бога и от Перуна, что нарушил свою клятву.

Летописец упоминает церковь, в которой приносили клятву варяги-христиане. Тут требуется пояснение. Согласно свидетельству «Повести временных лет», Ильинский храм неофициально служил посольской церковью русских в Константинополе. Весьма вероятно, до этого он играл такую же роль для болгар и службы там постоянно совершались на старославянском языке. Эта же церемония заключения договора была повторена в Киеве, где, как мы узнаем, также имелась церковь пророка Ильи, в которой совершались регулярные богослужения. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что в дружине язычника Игоря имелось немало христиан, в том числе и на самых высоких постах. Христиане не дискриминировались и даже, благодаря своей грамотности, выдвигались на лидирующие места. Вскоре этот процесс еще более активизируется, но произойдет это уже во время

правления супруги Игоря Ольги.

Крещение Ольги

Осенью 945 года князь Игорь был убит во время похода на древлян, с которых он потребовал повышения дани. По приведенному в «Повести временных лет» преданию, вдова Игоря, княгиня Ольга, жестоко отомстила убийцам своего мужа. Она хитростью уничтожила древлянских старейшин, перебила много простого народа, сожгла их город Искоростень и возложила на выживших тяжелую дань. Так она заявила о себе как о достойном лидере, смогла заручиться поддержкой дружины и бояр Игоря и стала править Русью в качестве регентши своего малолетнего сына Святослава.

Именно эта поначалу коварная, жестокая и беспощадная языческая правительница принимает решение стать христианкой. В «Повести временных лет» содержится довольно мифологизированный рассказ о визите Ольги в Константинополь к императору Константину Багрянородному, ошибочно названному в «Повести временных лет» Иоанном Цимисхием⁷. Повествование явно намекает на визит царицы Савской к Соломону и наполнено многими библейскими аллюзиями, в результате чего подобное описание сложно считать

⁷ Этот император на самом деле правил позже – с 969 по 976 гг. – и успешно воевал с подростком Святославом, сыном Ольги (рассказ об этих событиях мы излагаем чуть ниже). Константин Багрянородный скончался в 959 г.

документальным изложением событий. Обстоятельства этого эпизода приводятся довольно выборочно, а причины, приведшие варяжскую правительницу русов к такой крутой перемене ее жизни, и вовсе остаются за рамками повествования. Согласно нашей первой летописи, это событие произошло в 955 году в Константинополе, где Ольгу лично крестили император (Константин VII Багрянородный) с патриархом.

Об этом императоре, в конце правления которого (913, но фактически 944–959) Византия вступила в период наивысшего своего могущества, продолжавшийся около ста лет, стоит сказать несколько слов отдельно. Константин был библиофилом, ученым энциклопедического склада, милым человеком, примерным семьянином – а в общем, типичным образцом книжного червя, мягкого, интеллигентного человека, правда, немного педанта и зануды. Он написал несколько книг; из них наиболее известны «О церемониях» и «Об управлении империей», которые предназначались стать чем-то вроде учебников для будущих императоров. Константин VII много времени отдавал меценатству и поощрению науки. Его правление характеризовалось необычайно высокой дипломатической активностью: Византия обменивалась посольствами с халифом Абд-ар-Рахманом из Кордовы и с германским королем (впоследствии императором) Оттоном Великим. Русская княгиня Ольга была крещена ближе к концу жизни Константина, и, надо полагать, это событие стало

результатом достаточно длительных дипломатических усилий и переговоров. Хотя, безусловно, русская правительница совсем не была наивной простушкой и играла свою игру, взвешивая все pro и contra, что, впрочем, не исключает искренность ее обращения.

«И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице-матери императора Константина I». Отметим, что Еленой звали жену императора, а значит, скорее всего, восприемницей Ольги стала именно она. «Повесть временных лет» и «Житие» приукрашивают обстоятельства крещения анекдотом о том, как мудрая Ольга перехитрила византийского царя. Тот, подивившись ее разуму и красоте, якобы предложил ей руку и сердце, но княгиня отвергла притязания, заметив, что не подобает христианам за язычников свататься, но она готова креститься, только если он сам станет ее восприемником. После этого ее крестили царь с патриархом. Когда император вновь повторил свое предложение, Ольга указала на то, что она теперь приходится крестной дочерью царю, и, соответственно, по христианским законам брачная опция не рассматривается. На что тот, пораженный ее умом, якобы ответил: «Переключкала ты меня, Ольга!» После этого василевс богато одарил ее и отпустил домой. Очевидно, что вся история со сватовством к Ольге нежно любившего свою жену Константина – абсолютная фикция, призванная удовлетворить самолюбие молодого христианского народа. Но была и еще одна причина, по которой этот рас-

сказ появляется в «Повести временных лет». Об этом – чуть ниже.

Беседа Ольги с византийским императором Константином Багрянородным; крещение Ольги в Царьграде царем и патриархом. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV в.

Согласно большинству греческих источников, княгиня Ольга (Константин Порфирородный называет ее скандинавским именем Хельга) приняла крещение в Константинополе осенью 957 года, и крестили ее, вероятно, Роман II, сын и соправитель императора Константина VII, и патриарх Полиевкт. Решение о принятии веры Ольга, очевидно, приняла заранее, хотя летописная легенда представляет ее выбор

спонтанным. Ничего не известно о тех людях, которые на Руси познакомили княгиню с христианством. Возможно, это были болгарские славяне (напоминаем, что Болгария приняла крещение в 865 г.). Мы уже не раз говорили, что славянская письменность пришла на Русь из Болгарии. Это доказывается, например, тем, что в ранних древнерусских летописных текстах прослеживается влияние болгарской лексики. Но в Киеве было немало и своих христиан, группировавшихся вокруг храма пророка Ильи, в том числе и высшая варяжская знать, приближенная к княгине. Они также могли донести до нее проповедь о Христе.

Согласно политической философии, которой придерживались византийцы, всякий народ, принимающий христианскую веру, признавал власть императора – единственного законного самодержца христианского мира. Знаком этого признания делалось духовное родство, которое отныне связывало лидера обратившегося народа с личностью императора. Степень этого родства варьировалась в зависимости от страны и определяла положение, занимаемое страной в своеобразной «табели о рангах» международного сообщества христианских стран. Верховным главой его *de jure* являлся император.

Византия очень ценила контакты с Русью – чрезвычайно важным для нее торговым партнером. Император Константин Порфирородный в своих книгах (мы уже отмечали, что по ним будущие императоры обучались искусству управле-

ния) пояснял, что в «табели о рангах» соседей Византии Русь находится в группе самых важных государств и принимать ее правителей нужно по самому высшему разряду. Этим и объясняется то, что Ольга была крещена патриархом в присутствии императора, а сама императрица стала ее восприемницей (в крещении Ольга получила имя ее святой покровительницы – царицы Елены). По такому же протоколу в 865 году был крещен болгарский князь Борис, нареченный в крещении Михаилом – в честь святого своего восприемника императора Михаила III.

Ольга со своей многочисленной свитой пробыла в Константинополе с апреля до октября 957 года. 18 октября в честь новокрещеной рабы Божией Елены был устроен прием в хрисотриклине (золоченой трапезной) императорского дворца, где она сидела на почетном месте рядом с императором и, «сев, говорила с ним о чем ей было нужно». Среди ее свиты упоминается также некий «пресвитер Григорий», очевидно, ее капеллан. И Ольге, и ее людям были вручены богатые прощальные дары. Интересно, что язычники в свите княгини (летопись называет их «людьми Святослава») получили намного меньше даров, чем христиане («люди Ольги»).

Тем не менее, похоже, Ольга не добилась главной своей политической цели. Конечно, вся брачная тема в рассказе о крещении княгини Ольги не случайна. По всей видимости, она пыталась договориться о матримониальных связях сво-

ей варварской династии с порфирородными⁸ императорами древней Римской империи. Зачем ей это было нужно? Во-первых, чтобы раз и навсегда утвердить свою легитимность в правлении формирующимся громадным государством; во-вторых, поставить себя выше всех возможных претендентов и добиться признания своего статуса другими европейскими правителями. На мировой политической бирже того времени константинопольские императоры были единственными бесспорными аристократами, кесарями-августами, чья преемственность восходила к самому Октавиану Августу, в правление которого воплотился Бог Слово.

Надо полагать, Ольга пыталась договориться о династическом браке для своего подрастающего сына Святослава, уже активно заигрывавшего с языческой партией при ее дворе. И поскольку византийскую принцессу никогда не отдали бы за язычника, Ольга рассчитывала, что неотразимый аргумент в виде порфирородной невесты убедит ее сына принять христианство, и, таким образом, ее обращение в истинную веру станет началом для крещения всей страны. Увы, она не знала, что в своих руководствах для воспитания будущих импе-

⁸ Порфирородный (Багрянородный) – эпитет, употреблявшийся в отношении детей византийского императора обоих полов, рожденных во время его правления (в отличие от детей, родившихся до вступления отца на императорский престол). Помимо того, что отцом должен был быть правящий император, мать должна быть его официальной женой – императрицей и вдобавок обладательницей титула августы. Императрицы рожали в Багрянном (Порфирном) зале императорского дворца, откуда и возник эпитет.

раторов ее любезный хозяин император Константин VII завещал византийцам никогда ни при каких обстоятельствах не давать трех вещей иностранцу: имперской короны, рецепта греческого огня и руки порфирородной принцессы. Ольгины предложения натывались на стену из вежливых улыбок, комплиментов и бесконечных пустопорожних переговоров, никогда не дававших конкретных результатов. В конце концов, осознав полную бесперспективность своей миссии, княгиня засобиралась домой и по прибытии показательно отказала в приеме посольству из Константинополя.

То, что Ольга не добилаь у гордых византийцев поддержки своих дальновидных политических планов, не изменило ее серьезности и искренности в принятии крещения. Но это сильно затруднило ей возможность победить языческую партию при своем дворе, которую теперь возглавил ее сын Святослав, уже проявлявший себя сильным лидером.

В окружении княгини имелись и варяги-христиане, прибывшие из Западной Европы от германского короля Оттона Великого и считавшие себя в церковном подчинении у римского папы. Забегая вперед, скажу, папа Иоанн XII вскоре (962) венчает Оттона короной Западной Римской империи. Пока правитель Германских земель еще только король – но, безусловно, самый влиятельный и могущественный в Западной Европе. Почему не обратиться к нему? Но Ольга мечтала о приобщении не к компании узурпаторов, а к достоинству единственно подлинных царей всей христианской все-

ленной, которые возглавляли самое мощное, самое передовое и единственно культурное государство всего известного ей мира.

Тогда эти «варяги-западники» решили, что, если они тайно призовут на Русь миссионеров из королевства Оттона, Ольга вынуждена будет признать status quo и согласиться на церковное подчинение Руси Риму. Они направили посольство к Оттону (якобы от Ольги), и тот немедленно послал в Киев епископа Адальберта. Германский прелат прибыл в Киев в 960 году, но не слишком преуспел: княгиня Ольга не поддалась на такой очевидный шантаж части своих подданных, и Адальберт вскоре, несолоно хлебавши, отправился назад. Латинский хронист пишет:

В этом [962] году возвратился назад Адальберт, поставленный в епископы для Ругов, ибо не преуспел ни в чем том, зачем был послан, и видел все свои старания напрасными. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты. А сам он с великим трудом едва спасся.

Сам Оттон покровительствовал миссионерской деятельности, правда, в собственном понимании. Он насильственно обратил в христианство полабских славян и учредил в их области целых шесть миссионерских епархий, во главе с Магдебургской митрополией. Именно ею он наградил незадачливого Адальберта, вернувшегося из провальной киевской миссии.

Чем же был мотивирован выбор Ольги? Безусловно, в то

время Церковь была единой. Раскол на православных и католиков еще формально не произошел. Да и нескоро произойдет, несмотря на все большее отстранение двух половин христианского мира – западной и восточной – друг от друга. Могу смело сказать, что окончательное разделение войдет в народное сознание лишь после злосчастного Четвертого крестового похода (1202–1204), разорившего и разграбившего Константинополь и поставившего в православную столицу латинского патриарха, подчиненного римскому папе. Но во время княгини Ольги, безусловно, именно восточнохристианское богослужение (церковная архитектура, изобразительное искусство, пение и обрядность) являло собой высшую эстетическую ценность. Византийская культура и цивилизация намного превосходили западную, а ее военная мощь не имела аналогов в тогдашнем мире. Для человека с примитивными языческими представлениями, каким была Ольга в начале своей жизни, – все это были неотразимые аргументы в пользу истинности религии «греков» и тем образцом, к которому имело смысл стремиться.

Святослав

Тем временем в Киеве к власти пришел возмужавший Святослав. Он был прирожденным воином и талантливым полководцем. Вот что «Повесть временных лет» пишет о нем:

Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно гепард, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли [посланников, как правило, перед объявлением войны] со словами: «Иду на вы!»

Ольга со смирением и молитвой отнеслась к крушению ее надежды на обращение сына и всей земли. Она пыталась кротким убеждением воздействовать на сына:

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом и уговаривала принять крещение, но он и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался по своей воле креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. Ибо «для неверующих вера христианская юродство есть». <...> Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь – тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как же мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, все сделают так же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям.

Но по меньшей мере Ольга могла довольствоваться тем, что воспитала своего сына в духе полной толерантности к ро-

сту христианства, который начался в Киевской Руси уже при Игоре. Никаких преследований христиан не было, худшее, что с ними случалось, — это насмешки князя и его ближайшего окружения. Оставаясь фактической правительницей Киева, Ольга ненавязчиво, тихо, но целенаправленно занималась христианизацией своего княжества. Появлялись новые храмы, понемногу уничтожались языческие капища, все больше проводилось крещений. Присутствие христианства во многих древнерусских городах, но особенно в Киеве, делалось все более заметным и очевидным.

Святослав же весь период своего правления с 945 по 972 год провел в походах, появившись в стольном граде только несколько раз. Он воевал с вятичами, с волжскими булгарами, с хазарами⁹, с печенегами и т. д. Так он снискал себе репутацию непобедимого воина.

Именно поэтому византийский император — великий полководец Никифор Фока (громивший сарацинов на востоке империи и отвоевавший у них огромные территории) попросил Святослава усмирить балканских болгар, которые, зная, что основные войска «греков» находятся далеко, начали было готовиться к войне с Византией.

⁹ Хазары — тюркоязычный кочевой народ. В середине VII в. создали собственное государство — Хазарский каганат (650–969) на территории между Доном и Волгой. В VIII–IX вв. часть хазар во главе с правящим родом приняла иудаизм.

Убеждение Ольгой своего сына Святослава Игоревича принять христианство; молитвы Ольги о благополучии сына и своих подданных. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV в.

Киевский князь к тому времени уже уничтожил Хазарскую империю и был готов к новым завоеваниям. Он без особых раздумий согласился на предложение Никифора Фоки.

В 969 году скончалась княгиня Ольга (как мы помним, фактически правившая Русью в отсутствие сына). Святослав вынужден был по-новому устроить управление государством: он посадил сына Ярополка на киевское княжение, Олега – на древлянское, Владимира – на новгородское.

Прибыв на Балканы, Святослав разгромил болгар. Но у него имелись свои планы, куда более амбициозные, чем про-

сто выполнять поручения Византии и получать за это мзду. Он решил основать на Балканах собственную империю и начал переговоры с Болгарией о союзе против «греков». «Повесть временных лет» передает его слова:

Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли золото, паволоки, вина, различные плоды; из Чехии и из Венгрии серебро и кони; из Руси же меха и воск, мед и рабы.

Несмотря на блестящие успехи императорской армии на востоке, Константинополь был серьезно встревожен планами бывшего союзника: ведь Болгарское царство находилось в непосредственной близости к столице, и Святослав мог нанести немало вреда, прежде чем византийцы сумели бы подтянуть необходимые войска.

Но решать эту проблему пришлось уже преемнику убитого в государственном перевороте Никифора Фоки – новому императору Иоанну Цимисхию. Империи вновь повезло: как полководец Иоанн Цимисхий не уступал своему предшественнику, а как государственный деятель – оказался выше его.

Византийский император Никифор II Фока (963–969).
Изображение на первой почтовой марке Афона

На переговорах Святослав дерзко потребовал от византийцев отступить в Азию и передать ему всю Европу, включая Константинополь. Иоанну не осталось ничего другого, как начать войну. Так доселе непобедимый Святослав впервые столкнулся с противником, превосходившим его военными дарованиями и государственной мудростью.

Поход нового императора против Святослава – одна из самых блестящих военных кампаний за всю византийскую историю. В 971 году Иоанн занял болгарскую столицу Великий Преслав. Среди его пленников оказался низвергнутый Святославом болгарский царь Борис II, которого Иоанн приветствовал с великими почестями как легитимного правителя. Этот хитро рассчитанный шаг принес успех: болгары начали дезертировать от Святослава, не осознав, что их царь содержится у василевса на положении хоть и почетного, но пленника.

Вскоре Цимисхий безупречно выполненным маневром обошел русского князя и запер его в придунайском городе Силистре, обложив плотной блокадой. Интересно описание языческих обрядов, которые приказал провести Святослав, чтобы избежать поражения. Поздно ночью его воины

...вышли на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромоздили их перед стеной, разложили много ко-

стров и сожгли, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин. Совершив эту кровавую жертву, они задушили несколько грудных младенцев и петухов, топя их в водах Истра.

Эти отчаянные меры не помогли. После нескольких яростных попыток вырваться Святослав был вынужден сдаться, подписав унижительный договор, по существу капитуляцию: никогда не появляться на Балканах, никогда не нападать на византийскую территорию и, наоборот, помогать империи защищаться от врагов.

Силистра. Развалины крепости времен Юстиниана

В свою столицу Святослав уже не вернулся: в 972 году на возвратном пути он был убит у днепровских порогов печенегами. Ярополк, фактически управлявший Киевом, теперь официально вступил в свои права. Дальнейшую историю до воцарения в Киеве великого князя Владимира в 978 году мы уже знаем. Посмотрим, как началось его правление.

Язычник Владимир и его предшественники

Владимир захватил город под знаменем языческой реакции. Поясню. Провинциальные новгородские ослабяившиеся варяги с молодым князем Владимиром во главе (идейным вдохновителем которого был его дядя Добрыня) решили, как и при Олеге, овладеть Киевом. Сделать это они планировали под лозунгами возвращения к древнему отеческому язычеству, теснимому импортной «греческой» верой.

Для чего новгородские правители желали овладеть Киевом? Ответ очевиден. Это был самый важный перевалочный пункт на пути «из варяг в греки» и, несомненно, самый богатый русский город. Новгород был гораздо менее христианизирован, чем Киев, и северяне решили использовать этот фактор, наверняка помня, что в свое время Олег, также призывая к возрождению язычества, низверг Аскольда и Дира, принявших крещение в Византии.

Киев, X в.

Соответственно, после овладения великокняжеским престолом Владимир начал с насильственного «возвращения» к исконной отеческой вере. Однако сразу же он столкнулся с серьезными сложностями. Проблема таилась в том, что «отеческих» язычеств имелось множество, и у каждого племени – свое. Какое из них выбрать? Молодой киевский князь принял решение провести религиозную реформу и создать особый синтетический языческий культ, который и должен был стать единой верой для всего государства. Иными словами, Владимир творил новый культ с сугубо утилитарной целью – сделать его объединяющим фактором для всего населения страны – государствообразующей идеологией. А то, что под лозунгом «возвращения к старому» он пытался заставить своих подданных принять совершенно новую, изоб-

ретенную им веру, – очевидно, казалось вполне допустимым ради стоящей перед ним высокой цели.

Тогда он, скорее всего, ничего не знал о том, что подобная попытка уже предпринималась ранее – римским императором Юлианом (361–363). Племянник императора Константина (который, напомним, в 313 году легализовал христианство и далее стал оказывать ему предпочтение), крещенный в детстве, Юлиан тайно принял язычество, а придя к власти, решил поворотить ход истории и вернуть язычество на главенствующие позиции. Он значительно ограничил гражданские права христиан, конфисковал часть их собственности, но этого было мало. Требовалось укрепить позиции язычества, пока все больше и больше уступающего позиции христианству.

Но для борьбы с христианством за образец Юлиан мог взять лишь его же. Для этого он попытался реформировать язычество и создать из него единую систему, организованную наподобие христианской Церкви, с единой иерархией, единством богослужения и веры. Греко-римская религия, как правило (за редкими исключениями), не знала настоящего профессионального жречества и уж тем более – настоящей организованной и централизованной иерархии власти. Жрецы являлись выборными должностными лицами, которые не имели специального образования и нужной подготовки. В созданной им религии Юлиан попытался создать языческую иерархию по образцу христианской. Во главе куль-

та он поставил епископа-отступника Пигасия. Еще один его друг, Саллюстий, составил краткий катехизис догматов язычества.

Юлиан Отступник. Фрагмент миниатюры

Первосвященники, назначенные Юлианом, должны были играть роль языческих митрополитов. Они имели право наблюдать за жрецами и могли отрешать от должности негодных членов иерархии. Служителей нового культа должно было избирать не из богатых и знатных граждан, а из среды стойких борцов за язычество, преимущественно философов. Жрецы должны были отвечать высоким нравственным требованиям, заниматься благотворительностью и даже регулярно проповедовать. Юлиан часто обращался к ним с посланиями о нравственности. Например, он писал: «Вы никогда не увидите еврея, просящего подаяния, а нечестивые галилеяне [так Юлиан называл христиан] поддерживают не только своих бедных, но также и наших». По его мнению, служители языческого культа должны были сравняться по щедрости с евреями и христианами. Как и христианским священникам, жрецам было запрещено посещать неприличные зрелища, театры, таверны, работать на сомнительных работах и читать легкомысленные книги. Внутри храмов языческое духовенство обладало полнотой власти. Подобно христианскому обычаю, жрецы обязаны были запрещать высоким должностным лицам входить в храмы в сопровождении своей стражи и напоминать им, что внутри святыни они не более чем частные граждане. Вводились общие уставы языческих богослужений.

Сам Юлиан приносил жертвы богам ежедневно. Перед каждым важным решением он консультировался с авгурами и жрецами, весьма значительное число которых сопровождало его повсюду. В результате он стал весьма отменно разбираться в кишках и внутренностях животных. Количество его жертв было так велико, что цены на мясо в некоторых областях значительно понизились.

В конечном итоге, несмотря на невероятные усилия Юлиана и на то, что язычники тогда составляли не менее половины населения империи, у него ничего не получилось: даже убежденные язычники весьма прохладно относились к пылу их заступника и посмеивались над его верой во все. Для интеллектуалов этот малорослый, почти гном, с громадной неопрятной бородой император был слишком суеверен и слишком религиозен, а простому народу его система казалась заумной интеллигентской выдумкой. Привыкшим к вольной жизни жрецам не нравились те обязательства, которые он наложил на них. Словом, народ отказывался верить в новоизобретенную чудачком-императором религию.

Юлиан чувствовал это и все более и более приходил в отчаяние. Он не понимал причин такого отвержения своих высоких идей и приписывал его «разлагающему все изнутри безумию назарян». Именно тогда начались первые открытые гонения на христиан, хотя изначально Юлиан отказывался от них, понимая, что гонения лишь укрепляют ненавистную ему веру.

Император решил доказать всем силу старых богов своей персидской кампанией, которую он проводил по указаниям авгуров и жрецов, пренебрегая военным здравым смыслом. В стычке 26 июня 363 года Юлиан получил три ранения: в руку, грудь и печень. Последняя рана была смертельной.

По некоторым сообщениям, раны были нанесены солдатам его собственной армии, когда-то им обиженным. Согласно другим слухам, смерть Юлиана была на самом деле самоубийством: поняв, что избранная им тактика оказалась провальной, он искал смерти в бою и кинулся на вражеское копьё. Из всех его современников лишь друг императора, знаменитый оратор Ливаний, сообщает, что Юлиана убил христианин, однако и он признает, что это лишь предположение. Языческий историк Аммиан Марцеллин пишет о смерти Юлиана как о трагическом несчастном случае, вызванном неосторожностью. Один из телохранителей императора уверял, что император был убит завистливым злым духом.

Так же противоречивы сведения относительно последних слов Юлиана. Современный ему источник сообщает, что император, собрав свою кровь в пригоршню, бросил ее в солнце со словами к своему богу: «Будь удовлетворен!» Около 450 года Феодорит Кирский записал, что перед смертью Юлиан воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!»

Вся тщетность его усилий по возрождению язычества была явлена в том, что сразу после смерти Юлиана армия провозгласила императором престарелого генерала Иовиана —

убежденного христианина.

Столь же тщетны оказались усилия князя Владимира. Но он начинал с гораздо более невыгодных позиций – в сравнении с греко-римским язычеством, богатым историей и культурой, с прекрасно разработанной мифологией и поддерживающими его трудами философов, славянское язычество не было единым и не располагало никаким сколько-нибудь заметным культурным слоем.

Славяне-язычники

Мы почти ничего не знаем о религии (точнее, о религиях) древних славян, кроме имен некоторых божеств. Нам неизвестны родственные связи между их богами и неведом ни один сколько-нибудь достоверный связанный с ними миф. Скорее всего, у славян так и не сложился единый, более-менее цельный пантеон и не был выработан хоть отчасти развитой набор сюжетов о взаимоотношениях богов между собой и людьми – то, что, собственно, и составляет основу мифологии. Мы даже с полной уверенностью не можем сказать, какими областями жизни «заведовали» те боги, чьи имена дошли до нас. Культура древних славян была бесписьменной, монументальных сооружений они после себя не оставили, и большая часть свидетельств (весьма фрагментарных) о них содержится в христианских источниках (в первую очередь древнерусских, но не только). Обнаруживаются кое-ка-

кие упоминания о мифах славян в текстах византийских авторов VI–X веков: Прокопия Кесарийского, уже знакомого нам Константина Багрянородного, Льва Диакона. Писали о славянах в IX–XIII веках и западные авторы: аноним, известный под именем Баварский Географ, Титмар Мерзебургский, Гельмольд, Саксон Грамматик («Деяния датчан», середина XII века). Есть и несколько весьма интересных описаний быта и верований древних славян в дорожных заметках арабских путешественников и в скандинавских сагах. Однако западные авторы писали о славянах с позиции плохо осведомленного стороннего наблюдателя, арабов же больше интересовали этнографические заметки и быт дикого варварского народа, погрязшего в язычестве. Поскольку они торговали славянскими рабами, эти сведения могли им пригодиться.

Археологические находки также могут раскрыть лишь бытовые обычаи и некоторые фрагментарные элементы обрядовых практик. Этнография (которая начала формироваться лишь в конце XVIII века) является очень ненадежным источником информации. В ней крайне трудно, почти невозможно, отделить сохранившееся с дохристианских времен (если даже предположить, что оно там есть) от более поздних напластований, сложившихся уже в христианскую эпоху. Остатки языческих верований разных племен и народов наслаивались друг на друга, переплетались с христианскими обычаями, обрастали толщей новых суеверий и примет и ме-

нялись в каждом поколении.

В. Васнецов. «Гусляры», 1899 г.

Относительно высших божеств, в которых верили славяне, то, как мы уже знаем, они значительно отличались от племени к племени. Одно и то же божество в разных племенах могло выполнять разные функции, занимать в иерархии разные места. Роли богов часто смешивались, одна и та же нередко приписывалась нескольким божествам. Известны два центра, где складывались (но так до конца и не сло-

жились) эти «пантеоны»: южные земли во главе с Киевом и северные во главе с Новгородом.

Тем не менее, как правило, за каждым божеством закреплялись определенные функции: одни боги повелевали природными явлениями, другие – покровительствовали хозяйственной и социальной деятельности людей, третьи – помогали в войнах.

Имена богов известны по многим источникам. Они почти везде одинаковы: это Перун, Хорс, Симаргл, Сварожич, Волос (он же Велес), Мокошь, Род, Рожаницы; упоминаются еще «вилы». В «Слове об идолах», составленном в начале XII века, содержатся интересные наблюдения о русском язычестве. Автор рассказывает, что сначала славяне «клали требы упырям и берегиням» (то есть низшим духам), а потом под влиянием средиземноморских культов «начали трапезу ставить Роду и рожаницам». И уже значительно позже появился культ Перуна – верховного бога славян. «Класть требы» и «ставить трапезы» – означает «кормить богов», приносить идолам жертвенные подношения в виде ритуальной еды (например, каши или хлеба) либо даже приносить кровавые жертвы.

С известной долей вероятности мы можем говорить только о трех божествах, поклонение которым к началу IX века установилось на всей территории Древней Руси: это Перун, Велес и Мокошь. Перун считался громовержцем и покровительствовал княжескому роду, Велес покровительствовал

скотоводству, а богиня Мокошь – ремеслам и плодородию. Менее известны и распространены были бог огня Сварог (особенно почитавшийся земледельцами), а также богиня весны и брачных отношений Лада.

При достаточно бедном пантеоне высших богов у язычников Древней Руси имелась весьма густонаселенная низшая сфера второстепенных духов: русалок, леших, водяных и т. д. Если городские жители от всего этого полуфольклорного мира быстро отказались, то среди крестьян, особенно в дальних углах, двоеверие (то есть сочетание христианства с подобного рода суевериями) сохранялось достаточно долго, при том что все высшие языческие божества были давно и прочно забыты.

В электронной энциклопедии всемирной истории говорится:

Одни низшие существа олицетворяли природу и природные явления (леший, водяной, полевой), другие – были связаны с домом и хозяйством (домовой, банник), третьи – наделялись демоническими свойствами (ведьмы, веищицы, моры, колдуны, чернокнижники, а также черти и бесы). Главной ведьмой в языческой мифологии славян была Баба Яга, неизменными атрибутами которой являлись избушка на курьих ножках, костяная нога, ступа и помело. Баба Яга олицетворяла неупокоившуюся душу, ей приносили кровавые жертвы, чтобы задобрить колдунью. Своего рода «двойником» Бабы Яги было Лихо Одноглазое. Заметную роль в сла-

вянской мифологии играли и русалки. Считалось, что это утопленницы, способные заманить человека в болото и защекотать до смерти. К женским персонажам относились также богинки – умершие при родах женщины, охотящиеся на рожениц и похищающие или подменяющие младенцев, – и кикиморы, живущие за печкой или сараем и вредящие домо-чадцам.

Древние славяне, как и другие примитивные племена, поклонялись стихиям и силам природы. «Они все бога прозваша: солнце и месяц, землю и воду, звери и чади», – писал Ермолай Еразм, автор древнерусского апокрифа «Хождения Богородицы по мукам» (XIII в.). Бытовали у них поверья о родстве людей с животными (тотемизм, то есть происхождение целого племени от легендарного божественного предка, имеющего облик зверя, – например, от медведя).

Почитали они также деревья и камни. Византийский император Константин Багрянородный записал личные наблюдения над «россами»: они в походе на острове Хортица «у весьма великого дуба» приносили в жертву живых птиц (петухов), «как требует их обычай». Дуб считался также священным деревом громовержца Перуна, который как верховный бог русов-язычников упоминается и в договорах между византийцами и князем Игорем, цитату из которых мы уже приводили выше.

Энциклопедия всемирной истории, ссылаясь на фольклорные изыскания (к которым, как мы знаем, нужно отно-

ситься с известной долей осторожности), говорит об обрядах древних славян следующее:

Главными объектами культа древних славян-язычников были столб, который молящиеся обнимали, и печь, которую они целовали. ...Места для молений старались выбирать на возвышенностях – холмах и горах. Там же сжигались чучела зимы и проводились обряды заклинания весны. В равнинных местностях обряды проводили на лугах. К разряду культовых мест относились также священные роицы («рошения») и священные деревья («древеса»). Особо почитаемыми деревьями были береза и дуб, символ бога Перуна, а также деревья, расположенные вблизи родников и источников.

Календарные праздники и обряды древних славян-язычников имели сельскохозяйственную подоплеку, многие из них к тому же были связаны с культом предков. Считалось, что именно предки, покоящиеся в земле, благословляют будущий урожай, поэтому для обеспечения плодородия древние славяне стремились задобрить покойных родных: на Масленицу их поминали блинами, им посвящали разнообразные соревнования.

Местами поклонений идолам у древних славян были открытые святилища – капища. В центре капища стоял идол. Эти скульптурные изображения божеств, довольно примитивные по исполнению, могли быть как деревянными, так и каменными... Капища были огорожены, внутри разводился костер. Существует мнение, что в Северо-Западной Руси

роль святилищ могли играть сопки – насыпи над захоронениями.

Древнерусские языческие жрецы (особая категория лиц, обслуживающих религиозную сферу) назывались волхвами. В IX–X столетиях на Руси сложилась влиятельная прослойка волхвов. Под их руководством проводились обряды, ими сохранялась мифология и разрабатывалась символика. Даже простому волхву надо было знать и помнить все обряды, ритуальные песни, заговоры, уметь вычислять календарные сроки магических действий, знать целебные свойства трав.

Древние славяне верили в некий потусторонний мир предков, куда отправляются души умерших. Арабский дипломат Ибн Фадлан в 922 году присутствовал при погребальном ритуале славян и оставил подробное описание его. «Как только что разгорелось пламя грандиозного костра, поверх которого русы взгромоздили ладью с покойником, – рассказывает он, – русский обратился к арабу переводчику» и указал на «глупость» погребения тела в земле, где его съедают черви. «Мы сжигаем его в мгновение ока, так что он входит в рай немедленно и тотчас».

В. Васнецов. Тризна по Вещему Олегу, 1899 г.

Есть в рассказе Ибн Фадлана история девушки, предназначенной в жертву за умершего. Эта девушка «десять дней пьет и веселится, украшает свою голову и саму себя разного рода украшениями и платьями и, так нарядившись, отдается людям». В назначенный день она несколько раз якобы заглядывает в царство мертвых и потом рассказывает об «увиденном». Для этого обряда изготавливали большие деревянные ворота. Воины поднимали девушку высоко над воротами – на высоту в два человеческих роста. «Взлетев» наверх, девушка говорила, что видит «всех своих умерших родственников».

ников» и отца с матерью. (Следовательно, мир предков находится не под землей, а наверху.) После этого уже полуразложившийся труп извлекали из укрытия, сажали в шалаш, сооруженный в большой ладье, набивали ее съестными припасами, личным оружием умершего. Туда же клали только что рассеченную пополам собаку, двух заколотых лошадей, двух убитых коров, зарезанных петуха и курицу и потом, наконец, усаживали девушку, рядом с трупом. После группового изнасилования воины душили ее веревкой, в то время как некая старуха многократно втыкала в ее тело большой нож. В конце концов ладья, наполненная трупами людей и животных, сжигалась.

Это был не единичный случай. Так, письмо св. Бонифация (апостола Германии) королю Этибальду от 744 года сообщает, что полабские славяне сжигали на кострах умерших мужчин вместе с их женами; в VI веке византийский император Маврикий упоминает, что женщины славян после смерти мужа кончали жизнь через повешение, об этом же в начале X века сообщает и арабский путешественник Ибн Русте.

Эти свидетельства подтверждаются и данными археологии. В примерно восьмидесяти найденных и раскопанных славянских капищах всегда присутствовали кости убитых животных, а в некоторых – найдены следы человеческих жертвоприношений. Так, в кострище капища в Волине (Польша) помимо камней и рыбьей чешуи обнаружены человеческие черепа, в капище у Головно (Украина) – фрагмент

обгоревшего человеческого черепа, в пражском капище (Чехия) – шесть человеческих черепов в жертвенной яме, в капище Плоцка (Польша) – череп ребенка.

Уже знакомый нам араб Ибн Фадлан так описывает почитание богов славянами:

Итак, он подходит к большому изображению и поклоняется ему... Он не перестает обращаться с просьбой то к одному изображению, то к другому, просит у них заступничества и униженно кланяется перед ними.

Г. Семирадский. Похороны знатного руса, 1884 г.

Таким образом, неполная и фрагментарная картина, которая складывается о язычестве древних славян, изображает малоразвитые, тяжелые и безрадостные племенные культы. Славяне боялись своих богов и приступали к ним в страхе и унижении. Они практиковали кровавые жертвы (в том числе человеческие), чтобы задобрить своих богов. Убивали вдов и домашний скот, чтобы похоронить их с покойным главой семьи, иногда даже приносили в жертвы богам своих первенцев. У них практиковалась ритуальная проституция (о чем, как мы видели, сообщает Ибн Фадлан) и групповые оргии. До появления первых славянских христиан у них не было письменности, равно как и сколько-нибудь значимых произведений культуры, ибо имеющиеся культы не способны были их создать.

Обращение князя Владимира

И вот эту аморфную языческую разнородную массу взялся преобразить новый киевский князь Владимир. Он попытался создать единую систему веры и культа, которая, во-первых, могла бы стать связующим звеном его столь еще непрочного и норовящего распасться на части государства и, во-вторых, снискать поддержку всего народа. Для этого требовалось ввести в общую систему поклонения не только варяжских, но по большей части и местных, славянских, и угро-финских божеств. Созданный Владимиром «пантеон»

был в достаточной мере искусственным. Он не столько отражал реальные верования народа, сколько помогал великому князю Киевскому решать его политические и идеологические задачи.

Свою реформу Владимир начал в 980 году. «Повесть временных лет» рассказывает нам о ней довольно скупо.

И начал княжить Владимир в Киеве один, и поставил кумиры на холме вне двора теремного. Перуна деревянного, а голову его серебряную, а ус золотой, и Хорса, и Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь, и приносил им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась жертвами русская земля и холм тот.

Интересно, что именно идол Перуна, единственный из всех, подробно описан автором «Повести временных лет» Нестором-летописцем. Очевидно, это потому, что главенствующая роль среди богов Владимира принадлежала Перуну – верховному богу-громовержцу, который, скорее всего, виделся новому правителю славянским аналогом Зевса и Тора. Он считался покровителем княжеского рода, ему поклонялись в первую очередь в княжеско-дружинной среде. Хорсу была назначена роль бога-солнца. Исследователи спорят о происхождении его имени, возможно, оно пришло к славянам от хазар или скифов и сарматов. Дажьбога, который тоже олицетворял солнце, некоторые специалисты отождеств-

ляют с Хорсом, полагая, что это два имени одного и того же бога. Стрибог был богом ветра. Симаргл, как полагают некоторые ученые, – богом растительности, земли и подземного царства.

Реформы проходили не только в Киеве, но параллельно в Новгороде и, надо полагать, в других древнерусских городах. В Новгороде дядя князя Владимира – Добрыня – установил идол Перуна, создав для него специальное святилище – «Перынь». Существование Перыни подтверждается археологическими раскопками. Оно представляло собой круглую площадку, в центре которой стоял идол божества, а по периметру горели восемь костров.

Как и император Юлиан за шесть веков до него, князь Владимир приносил все больше жертв своим идолам, рассчитывая на их помощь в военных и административных делах. Более того, чтобы доказать толпе свою преданность богам, Владимир согласился на человеческое жертвоприношение.

В 983 году за неделю до Перунова дня в Киеве началась подготовка: «Бросим жребий на отрока и девицу: на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Очевидно, изначально планировалось выбрать в жертву христианскую семью, по возможности из византийцев, перебравшихся в Киев. Угодливые жрецы-волхвы заявили, что жребий пал как раз на одного из христиан-варягов, переселившихся в Киев из Константинополя, а именно на юношу по имени Иоанн. Его отец

Феодор отказался отдавать своего сына в жертву бесам, и оба были убиты подстрекаемой волхвами толпой, став, таким образом, первыми христианскими мучениками Руси.

Казалось, язычество, пришедшее с далекой новгородской окраины, победило христианство столичного Киева и влияние византийской культуры сходит на нет. Но, став правителем и наладив дипломатические связи с другими странами, Владимир не мог не увидеть, что история всей Европы, и Западной и Восточной, предписывала ему вместе с его народом покориться благородному наследию средиземноморских культур и сформировавшей их высшей Истине, явленной в Богооткровенной религии. Перелом наступил вскоре после жестокой казни двух мучеников. Мы не знаем, что послужило началом разочарования Владимира в язычестве, но вполне можем предполагать, что мужество и вера, с которыми Феодор и Иоанн встретили смерть, затронули какие-то струны в душе князя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.